

**Степняк-Кравчинский Сергей
Михайлович**

Домик на Волге

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С79

Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович
С79 Домик на Волге / Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2012. – 40 с.

ISBN 978-5-4241-2946-9

В повести «Домик на Волге» нашел отражение один из ярких периодов русского революционного движения - деятельность революционеров-народников, членов террористической организации «Народная воля», к которой принадлежал и сам автор книги.

ISBN 978-5-4241-2946-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Степняк-Кравчинский Сергей
Михайлович
Домик на Волге

Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский
ДОМИК НА ВОЛГЕ
ПОВЕСТЬ

I

Ночной курьерский поезд пролетел последнюю сотню верст до С. - одного из приволжских губернских городов. Огни в деревнях были давно потушены, и вся необозримая поляна волжского побережья превратилась в одно сплошное море мрака. Утонули в нем поля, луга; утонули черные громады лесов; утонули деревни.

Как большие муравьиные кучи, стояли рассыпанные то там, то сям группы низеньких изб с высокими соломенными крышами, - убогим жильем поволжского крестьянина. На задах, поодаль от жилья, стояли другие, более правильные кучи скирд только что убранного хлеба, которые в темноте можно было принять за деревню, а деревню за скирды. Луна еще не всходила.

Легкий ночной ветерок, дувший с могучей реки, лениво гнал серые тучи, которые заволакивали небосклон, не давая звездному лучу проникать их густую ткань.

Моросил мелкий дождь. Запоздавший торговец, возвращавшийся из города, едва видел извилистую дорогу и, бросив вожжи, предоставил коню самому отыскивать путь. И умный конь шел твердой поступью, косясь от времени до времени на низенькое, едва поднимавшееся над поверхностью земли полотно железной дороги, которое прошло по этой зеленой пустыне.

Тонкие, блестящие и ровные как стрела рельсы на широких шпалах, вонзившиеся обоими концами в непроницаемый мрак, уже жужжали неслышно для человеческого уха, предвещая приближение поезда. Где-то, в бесконечной дали, раздался мягко и протяжно свист локомотива. Конь мотнул ушами и фыркнул, нюхая воздух. Хозяин подобрал вожжи, понемногу сворачивая в сторону. Прошло несколько минут, и на горизонте показались два огненных глаза. Ближе, ближе. Рельсы задребезжали, и вскоре, кокетливо скользя по гладкому пути, как конькобежец по льду, вихрем пронесся в клубах дыма грохочущий поезд, осветив на минуту поляну и бросая багровое зарево на низкие облака, засматривавшие сверху в его огненную утробу. Было что-то праздничное, ликующее в этом длинном ряде ярко освещенных подвижных палат, которые без усилия, точно по мановению волшебного жезла, неслись мимо спящих деревень, черных полей и лесов, смеясь над пространством, над мраком и непогодой. Так глядит снаружи сверкающий огнями и позолоток бальный зал, когда гремит оркестр и разодетые пары мелькают в зеркальных окнах. И зритель, стоящий в темноте и на холоде, невольно думает тогда о счастье, веселье, довольстве. Но на балах часто льются невидимые слезы, и в этом летучем дворце разыгрывалась в эту минуту тяжелая драма.

В отдельном купе первого класса в одном из передних вагонов сидело трое пассажиров. Двое было военных - в них по синим мундирам с белым прибором легко можно было узнать жандармов. Третий был штатский - молодой человек, насколько можно было судить по тонкой, стройной фигуре, русой курчавой бородке и усам, видневшимся из-под надвинутой на лицо шляпы.

Один из жандармов спал, растянувшись на скамейке. Другой, неестественно выпрямившись, сидел в углу и делал отчаянные усилия, чтобы преодолеть сон.

Однако от времени до времени он клевал носом, и тогда он энергично встряхивался и строго посматривал на молодого человека. Это, очевидно, был конвоируемый ими политический арестант.

Прислонившись к углу и вытянув наискось ноги, тот, по-видимому, крепко спал. Грудь его поднималась медленно и равномерно, и тихое сонное дыхание слышно было в промежутках между лязгом поезда.

Но если бы кто-нибудь неожиданно заглянул под широкие поля его войлочной шляпы, то увидел бы пару серых глаз, исполненных такого жгучего, напряженного внимания, которые ясно показывали, что молодому человеку было не до сна. В голове его созрел план побега, - дерзкий, отчаянный план, - и теперь его участь зависела от того, заснет или нет этот неуклюжий краснорожий жандарм. Из-под надвинутой на брови шляпы он не переставал ни на минуту следить за ним.

Жандарм покачивался, как длинный маятник перед тем, как остановиться. Потом он вдруг чуть не клюнул своего товарища в голову, разом упавши вперед, и встрепенулся, посмотрев внимательно на арестанта.

Тот все лежал в той же позе. Тогда жандарм успокоился, коился и, выпучив глаза, смотрел в стену, стараясь не моргнуть.

Прошло несколько минут. Поезд быстро несся вперед. Мерно, точно в такт, гремела машина. Жидко, как-то жалостно дребезжали окна. Мелкие непрерывные толчки, передававшиеся через мягкие пружинные подушки, действовали как непреодолимое усыпительное средство на тяжелый, не привыкший ни к какой работе мозг. Все чаще и чаще приходилось жандарму встряхиваться, и замиравший от волнения арестант считал минуты, когда его страж окончательно свалится и захрапит.

Но вдруг тот оживился: ему вспомнилось, что лучшее средство разогнать сон - трубка. Он вынул кيسет, основательно набил коротенькую деревянную носогрейку и, расположившись поудобнее в углу, взял трубку в зубы и чиркнул спичкой. Арестант закрыл с отчаяния глаза.

"Проклятый!" - простонал он про себя: разрушалась последняя его надежда.

Но в эту самую минуту что-то упало на пол. Он бросил быстро взгляд по направлению звука и увидел под противоположной скамейкой трубку, выпавшую из рук жандарма. Тот спал крепким сном с тем самым блаженным выражением лица, которое принял, уминаясь, чтобы покурить поудобнее.

Радость, почти столь же болезненная, как прежнее отчаяние, охватила душу молодого арестанта. Как будто свобода уже открылась перед ним. Как будто между ним и ею не стояло страшного препятствия, которое только при отчаянной смелости и слепом счастье можно было надеяться преодолеть.

Переждав несколько минут, он осторожно встал, поправил шляпу и сделал два шага по узкому проходу.

При свете фонаря теперь можно было рассмотреть его подробнее. На вид ему можно было дать года двадцать четыре, двадцать пять. Он был выше среднего роста и очень пропорционального, хотя не сильного сложения. Мелкие, чрезвычайно подвижные черты небольшого лица с высоким, немного стиснутым на висках лбом, какие бывают у музыкантов; гладкая, чисто женская шея и тонкие, белые руки с длинными правильными пальцами - все обличало натуру нервную, порывистую, страстную, отвечающую скорее представлению об артисте, чем о

бойце. Такие физиономии попадаются нередко между русскими так называемыми "нигилистами" и притом далеко не всегда среди людей умеренных фракций, скорее наоборот. Общее впечатление нервности и какой-то женственности дополнялось парюю красивых серых глаз, которые то потухали под длинными ресницами, то вспыхивали каким-то жгучим блеском. Эти глаза не ручались за упорство и постоянство воли, но они обнаруживали способность к огромной мгновенной энергии, которой отличаются очень нервные люди.

Молодой человек стукнул каблуком об землю, чтобы испытать крепость сна своего стража, и устремил на него свои жгучие серые глаза. Под влиянием этого упорного взгляда жандарм зашевелился во сне. Молодой арестант быстро отвел от него опасный взгляд и, дав ему успокоиться, подошел к своему окошку.

Времени терять было нечего. Еще час езды - и перед ним раскроется черная пасть тюрьмы, откуда ему, быть может, вовеки не выбраться на свет божий.

Он попался под чужой фамилией. Полиция не подозревала, кто он. Но в тюрьме, куда его везли, сидел предатель Харин, когда-то его товарищ, который тотчас его узнает, и тогда его песенка будет спета. План его был столь же простым, как и отчаянным: выброситься из вагона на всем ходу и, если он не расшибется насмерть и не переломает себе ног, добраться до города, укрыться, переждать первую горячку погони и затем вернуться в Петербург. По счастью, ему удалось скрыть от глупой уездной полиции все свои деньги, которые остались зашитыми у него в платье.

Обе дверцы были заперты, он это знал. Но окно было для него достаточно широко. Он спустил стекло.

Шум и грохот поезда ворвался в вагон вместе с струей свежего воздуха.

Оба жандарма не пошевельнулись. Молодой человек высунул голову и стал всматриваться вперед в темноту. Верхушки кустов замелькали у него перед глазами. Поезд несся по молодой ореховой поросли, пересыпанной кое-где темными кустами сорной травы, из-под которых виднелась белесоватая песчаная ючва.

"Как раз подходим", - подумал он.

Но когда он опустил голову и взглянул прямо под поезд, то пришел в ужас. Быстро уплывавшая спереди почва здесь неслась с одуряющей быстротой. Камни, шпалы - все сливалось в один непрерывный, бешеный, смертоносный поток. В его расстроенном долгой бессонницей мозгу живо встала картина, в которой он видел себя самого разбитого, растерзанного в клочья этими сучьями, бревнами, камнями. Вздых, похожий на стон, вырвался у него из груди: слабое тело сопротивлялось и малодушно молило о пощаде.

Но это продолжалось только минуту.

- Теперь или никогда! - проговорил он и, встав на подушку сиденья, он скользнул на окно, свесивши обе ноги наружу.

- Ну, держи... А ты его... Лови! - раздалось вдруг за его спиной.

Он с ужасом оглянулся, - то говорил спросонья жандарм под влиянием какого-то смутного ощущения действительности.

Не теряя ни минуты более, молодой человек скользнул вниз и повис на правом локте над черной стремительной бездной. У него закружилась голова от страшного грохота, вихря, душившего его дыма и бывшего ему в лицо мелкими горячими угольками Поезд в эту минуту заворачивал вправо. Его отрывало от

окошка.

Еще мгновение, и он лишился бы чувств. Но в голове его твердо держались инструкции, которые он сам себе давал, обдумывая свой отчаянный план. Нашупав правой ногой точку опоры и держась по возможности по направлению движения поезда, он разом оттолкнулся вперед рукой и ногой и полетел в пространство.

Ему казалось, что он летит долго, без конца. Вихрь прекратился, а он все летел. Он думал, что никогда не долетит. Полно, точно ли он выпрыгнул? Не сон ли это все?

Вдруг что-то ударило его под ноги, точно огромная коса оторвала ему конечности, и страшный толчок в спину растянул его ничком. Из глаз его посыпались искры, и он лишился чувств.

II

Поезд давно пронесся мимо, и мертвая тишина воцарилась в поле. Дождь перестал. Узкий серп луны показался на горизонте, освещая тусклым светом влажную землю, и деревни, и кусты, и неподвижную фигуру, лежавшую у дороги. Подул свежий ветерок.

На востоке побелели облака, предвещая зарю, а темная масса все лежала неподвижно, и теперь, при бледном свете утра, на белом песке у головы можно было заметить кровавое пятно.

Вот на горизонте показался белый, быстро вытягивающийся дымок, под которым виднелась черная полоска. Это ехал другой, ранний товарный поезд. Вот обозначилась длинная цепь серых вагонов. Ближе, ближе, и с тяжелым оглушительным грохотом, от которого дрожала земля, поезд пронесся мимо. Машинист выпустил пар, и пронзительный свисток прорезал влажный утренний воздух.

Неподвижная человеческая масса заметалась, заерзала, и при последнем резком звуке лежавший замертво человек вскочил на ноги и, гонимый каким-то паническим страхом, бросился бежать, перепрыгивая через кусты и спотыкаясь. Поезд быстро удалялся. Шум стих, и беглец понемногу пришел в себя и остановился.

"Зачем бежать? - подумал он. - Ведь никто не гонится".

В первую минуту он был уверен, что поезд, заставивший его очнуться, был тот самый, из которого он так счастливо выскочил. Только посмотрев на неб."

и заметивши, что уже обутрело, он сообразил, что этого не может быть и что он, должно быть, долго лежал без чувств.

Он вынул из бокового кармана часы. Но они были разбиты вдребезги, ударившись о камень при падении.

Судя по цвету небосклона, теперь должно было быть часов пять утра.

Что-то теплое струилось по его виску. Он пощупал рукою: кровь. Все лицо его было липкое от запекшейся крови.

"Куда покажешься с такой образиной?" - подумал он.

Но как остановить кровь? Рана была неопасная, но очень неудобная в данную минуту. Он открыл маленький сачок, висевший у него через плечо, который он забыл сбросить; но там, кроме носового платка да письменных принадлежностей, ничего не оказалось.

К счастью, кругом росли пучки молочая. Сорвав несколько стеблей, он выжал из них на ранку вяжущий, липкий белый сок. Кровь остановилась.

"Сойдет!" - весело подумал он.

Он вымыл себе кое-как лицо мокрой травой и вытерся чистым платком.

Теперь пора было поскорее убраться с опасного места. Идти в город нечего было и думать: он не дойдет туда раньше полудня, когда вся полиция уже будет на ногах, и его схватят, как куропатку.

Он решил идти наудачу вглубь до первого жилья.

Там будет видно.

Он быстро перешел через полотно на ту сторону и пошел напрямик по направлению к югу. Он пересек проселок, бежавший параллельно железной дороге, и с наслаждением углубился в кусты, которые так ласково укрыли его в своих недрах.

Он шел с полчаса, посматривая от времени до времени на забелевший восток, чтобы не сбиться с направления.

За рощей пошло чистое открытое поле. Здесь человека за пять верст видно было. После леса ему стало идти как-то не по себе. Вид у него был совсем не местного человека. Да к тому же эта дорожная сумка... Он пожалел, что не бросил сумку в лесу: в чистом поле оставлять ее было опасно.

Впереди виднелся недавно сложенный стог. Беглец направился туда. Он собирался сунуть вовнутрь стога свою сумку, как, оглянувшись назад, он увидел шагах в ста двух мужиков, лиц которых в полумраке утра он не мог хорошенько рассмотреть. Один был черный, помоложе; другой - старик, с проседью. Оба были в засаленных овчинных тулупах и стояли неподвижно, свесив руки. Хотя они смотрели прямо на него, но с таким равнодушным, апатичным видом, что он был уверен, что они ничего не заметили.

Он подошел к ним.

- Добрый день, - сказал он.

- Здорово, - ответил мужик.

- А не знаете ли, где здесь лошадь с повозкой достать можно?

Мужики переглянулись.

- Что ж, в деревне, известно, лошадь достать можно, - сказал старший. Да ты откуда будешь?

- Проезжий, - отвечал молодой человек. - В С ехал, да на последней станции поезд потерял. Ждать до утра другого поезда не хотелось, потому спешное дело. Ну, вот пешком и пошел, да дорогой и заблудился. Всю ночь проплутал.

- Так, так. Известно, чего ждать. До города отсюда с три часа места, соглашался мужик. - Да как же ты заблудился-то? Ведь старая-то дорога все рядом с чугушкой идет...

"Догадывается, шельма!" - подумал молодой человек.

- Да вот то-то, хотел напрямиками пройти, - сказал он громко. - На станции человек один объяснял. Ну, вот и сбился, - закончил он, чтобы как-нибудь извернуться.

Ни один мускул не пошевелился на бесхитростном лице мужика.

- Так, так, - добродушно соглашался он. - Известно, в незнакомом месте да напрямиками, долго ли сбиться? Ты, видно, не здешний?

- Не здешний. Так как же до деревни-то добраться? - нетерпеливо спросил молодой человек, чтобы прекратить поскорее этот допрос.

- А вот как пойдешь поле да взойдешь на тот холмик, вот там, - с большим

радушием объяснял мужик, указывая рукою, - увидишь налево кусты, а меж кустами дорога - так, проселковая, почитай что не ездая. Так ты туда не ходи; а направо будет тебе ветряная мельница, Панютиных господ, что нашей деревней допрешь владели. Так ты туда тоже не ходи. Ни к чему, потому что мельница-то пустая. Наши ее на дрова ломают. А иди ты прямо - и будет тебе тропа.

А по тропе ты вправо все забирай, все забирай, и выйдешь ты на пригорок. Вот там, в долинке, наша самая деревня и будет. Сухомля прозывается. Так она испокон веку Сухомля и была. Там уж спросишь.

- Спасибо, - сказал молодой человек и быстро удалился.

- Счастливого пути! - крикнул ему вслед мужик.

Молодой человек, не останавливаясь, обернулся и кивнул головой.

- Спасибо, - проговорил он на ходу.

- Жулик! - с убеждением сказал мужик, когда молодой человек достаточно удалился. - Стажил. видно, на станции сумку-то, ну и припрятать хотел.

Молодой человек дошел между тем до пригорка и увидел все, как ему объяснял мужик. Мельницу и проселок. Но он не пошел дальше в деревню по указанному ему направлению. Под влиянием инстинктивного стремления беглецов замести свой след он переменил план и свернул влево. Его манила лесная роща, и дорога казалась достаточно проторенной. По ней он рассчитывал добраться до жилья.

Он шел долго, часа два. Лесок сменился полями.

Потом опять пошел лес. Он освободился от своего сака, забросив его в лесную чащу. Теперь не особенно внимательный наблюдатель мог бы принять его за дворового без места, идущего по бедности на своих на двух искать куда-нибудь счастья. Вид у него был, во всяком случае, достаточно унылый. Он сильно проголодался, и усталость вместе с бессонницей начинали брать свое.

Но это его не смущало. Гораздо более смущало его то, что по временам ноги его ни с того ни с сего подгибались, точно кто-то толкал его под колени. Очевидно, его отчаянный прыжок не обошелся ему даром.

Однако он все шел и шел вперед. Лес становился гуще и мало-помалу менялся. Чаще и чаще стали попадаться хвойные деревья, и мало-помалу лес перешел в темный еловый бор. Вековые деревья нависали своими ветвями над дорожкой. В глубине, куда не достигал глаз, виднелась длинная анфилада стройных красноватых колонн. Мягкая, рыхлая, лишенная травы земля была покрыта, как войлоком, сплошным слоем светлопалевых старых хвои, которые, казалось, сами светились нежным, мягким светом, придававшим какую-то таинственность храма этим глубоким темным сводам.

Едва переступая утомленными ногами, молодой беглец плелся вперед, не обращая внимания на окружающее, как вдруг горизонт просветлел, лес расступился, и он увидел перед собою всю залитую косыми лучами, огромную поверхность воды, тихую, как озеро в безветренный день.

То была Волга-матушка, великая русская река, которую он так любил и на которой прошло его детство.

Дорога круто сворачивала направо вдоль реки.

Молодой человек приободрился и пошел по берегу:

теперь он знал наверное, что встретит жилье, людей, а с ними, надеялся, и помощь.

На противоположном берегу, точно игрушка, виднелась деревенька.

"Раздеться, связать платье узелком на голову и переплыть на ту сторону", - мелькнуло у него в голове.

Лучшего средства замести след нельзя было бы придумать. Он был хорошим пловцом и мог рассчитывать совершить благополучно опасную переправу. Но он чувствовал такую слабость во всех членах, что не решался второй раз пытаться провидение.

"Нужно добыть где-нибудь лодку", - подумал он.

Все прибрежное население промышляет рыбачеством. Ему, наверное, попадется лодка, и он ее купит, отнимет - украдет, если нужно.

III

Он не прошел и получаса, как река сделала излучину, огибая маленький лесистый мысик. Взойдя на него, он точно увидел перед собой лодку. Но она была не пустая. Ни отнимать, ни нанимать ее не представляло возможности, потому что в ней сидела девушка, в которой с первого разу можно было узнать барышню.

Она, очевидно, только что выкупалась. Мокрые светло-русые волосы были связаны тяжелым узлом под белой соломенной шляпой-матроской с узенькими полями, из-под которой виднелось молодое худощавое лицо с правильными и твердыми чертами. Она была одета в ситцевую светло-серую блузочку, перехваченную на талии широким кожаным поясом, и в обнаженных до локтя крепких руках держала весло, которым тихо гребла к берегу. Она уже пригнала лодку к песчаной отмели и встала, покачивая судно ногами, собираясь выскочить на землю, когда молодой человек спустился к воде и, выйдя из-за кустов, кашлянул, чтобы обратить на себя внимание.

- Извините, сударыня... - сказал он.

Девушка с испугом вскинула на него большие голубые глаза и быстрым движением весла оттолкнула лодку назад.

- Не бойтесь. Я ничего вам не сделаю... Остановитесь... - говорил ей молодой человек.

Но дикарка его не слушала. Усевшись ка корму, она заворачивала, гребя и правя веслом.

- Подождите. Мне вам нужно что-то сказать... Ради бога... - вскричал молодой человек.

Девушка остановилась.

- Что вам от меня нужно, ради бога? - сказала она, продолжая держаться на почтительном расстоянии.

Голос ее был грудной, низкий. Она слегка картавила.

- Мне необходимо переехать на ту сторону, вон в ту деревню... Дайте мне вашу лодку. Я вам ее назад отошлю. Перевезите меня сами. Чего вал это стоит?..

Предложение ехать вдвоем с этим незнакомым страшного вида человеком перепугало ее окончательно.

- Я не перевозчица! - сказала она и с решительным видом направила лодку вглубь, усердно гребя веслом. Легкое судно стрелой рассекало тихую поверхность реки.

Отплывши шагов на двести и почувствовав себя в совершенной безопасности,

она обернулась. Молодой человек стоял у дерева, отчаянно цепляясь за ветви, чтобы не упасть. Последние силы оставили его. Он готов был лишиться сознания.

Сердце молодой дикарки сжалось. Не долго думая, она повернула сильной рукой лодку, погнала ее назад и прямо врезалась носом в песок. Она выскочила на землю.

- Что с вами? Вы больны? - спросила она с участием, подходя к нему. Ваше лицо в крови. Вас ограбили? Вы ранены?

Он взглянул ей в добрые голубые глаза. Надежда снова оживила его. Он не сомневался теперь, что девушка, которую послала ему судьба, поможет ему. Но что-то мешало ему притворяться, воспользоваться ею самой подсказанной басней.

- Нет, - проговорил он. - Меня не ограбили. Я бежал. Я соскочил с поезда и сам себя ранил.

- С поезда? Ах, боже мой! Как это ужасно! Зачем же...

Она хотела спросить, зачем же он сделал такую отчаянную вещь.

- Я - политический. Слыхали?

Слыхала ли? Ее Ваня, ее милый Ваня, по которому она томилась вот уже год и которого оплакивала как погибшего, разве не был тоже политическим?

- Вы - политический? Чего же вы мне прямо не сказали? - воскликнула она.

Молодой человек улыбнулся.

- Вы мне не дали времени, - сказал он.

Она тоже засмеялась, истолковав свой нелепый страх.

Этот смех сразу сблизил их.

- Скажите, не встречались ли мы когда-нибудь? - вдруг спросил молодой человек, всматриваясь в свою новую знакомую. - Мне что-то кажется, будто я вас где-то видел.

- Нет, мы никогда не встречались. Я не выезжала вот уж три года из усадьбы. Но все равно, я для вас все сделаю, точно мы давно знакомы. Ради Вани... - прибавила она как будто про себя. - Скажите, что вам нужно?

- Мне нужно на тот берег, - повторил молодой человек.

- Хорошо. Садитесь.

Она вскочила в лодку. Он последовал за ней

- Дайте мне весло, - сказал он. - Я умею грести Вам еще обратный путь предстоит. Вы устанете.

- О нет. Я не раз переплывала реку.

Несколько времени они плыли молча.

- У вас лицо в крови, - сказала девушка. - Там в носу в корзинке есть полотенце.

Он достал полотенце, омочил его в воду и вытерся.

- Сядьте глубже, на самое дно. Вам будет покойнее, - советовала девушка.

Он повиновался, как ребенок.

- Кто же у вас там есть, в той деревне? - спросила девушка. - Знакомые? Родные, может быть?

- У меня никого там нет, - отвечал он.

- Как никого? Зачем же вы туда едете?

Они плыли на середине огромной реки совершенно одни между небом и